

в десятины, равные 2400 кв. сажен. Как видно из таблицы, по всем без исключения деревням размер пашни по книге 1660 г. совпадает с данными обмера 1655 г. При этом совпадает и качество земли, указанное в двух источниках. (Исключение составляет дер. Ермаково, где в 1655 г. земля значится «средней», а в 1660 г. — «доброй»²⁰).

Таким образом, изучение вытных книг Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. на основе их сопоставления позволило установить следующее.

1. В 1660 г. монастырские власти измеряли реально существующую крестьянскую пашню, и данные вытной книги, фиксирующие эти обмеры, являются достоверными.

2. В вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском у. в 50—60-е годы XVII в. для обмера сельскохозяйственных угодий использовались две разные по размерам десятины — общегосударственная (казенная) десятина, равная 2400 кв. сажен, и хозяйственная, равная 3200 кв. сажен, что необходимо учитывать при определении размеров сельскохозяйственных угодий, в том числе размеров крестьянской пашни.

О. Б. КОХ

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ 1710 г.

Вопрос о степени достоверности переписных книг 1710 г. не выяснен до конца. Материалы переписи 1714 г. первоначально использовались историками только для определения численности населения, и неудачное решение этого вопроса вызвало недоверие и к самому источнику. Впервые на возможность использовать материалы переписи для вопросов миграции обратил внимание П. А. Колесников.¹ Однако возможности источника значительно шире. В данной статье ставится задача на основе изучения переписных книг 1710 г. по Архангелогородской губ.² определить значение этого источника для изучения некоторых демографических вопросов и социально-экономических явлений.

Перепись 1710 г. занимает особое место среди предшествующих ей подворных описаний XVII в., как в плане своеобразия и широты программы, так и в плане неудовлетворительных итогов

²⁰ Полученные данные о размерах десятины дают возможность не согласиться с мнением З. А. Огризко о том, что «очевидно, на Севере было распространено измерение земли „круглой десятиной“ с равными „длиником и поперечником“» (см.: Огризко З. А. К вопросу об единицах измерения земельных площадей..., с. 261).

¹ Колесников П. А. Писцовые и переписные книги как источник для изучения миграции населения в XVI—XVII вв. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970, с. 182—196. (Северный археограф. сборник; Вып. 1).

² Обследовано 7 переписных книг: Архив ЛОНИ СССР, ф. 10, оп. 3, д. 7, л. 25, 27, 113, 117, 121; ЦГАВМФ, ф. 176, л. 1, ед. 59.

ее. Проведение переписи было связано с созданием новой системы административного управления страной (введением губерний). Губернаторы должны были с 1710 г. приступить к исполнению служебных обязанностей, что требовало четкого представления о делах в подведомственных им губерниях. В этом же было заинтересовано и правительство, так как четкое и бесперебойное поступление средств и людей по требованию Петра I можно было осуществить, только ясно представляя себе ресурсы страны. Со времени проведения предыдущей переписи прошло более 30 лет. За эти годы произошли существенные изменения в размещении и численности населения. Проводя новую перепись, правительство надеялось на выявление «излишка» — прироста населения, что позволило бы решить проблему все возрастающей потребности в деньгах. Уверенность в этом основывалась на итогах переписи 1706—1707 гг., проведенной во вновь образованной Ингерманландской губ. Здесь был выявлен большой прирост населения, что давало надежду на получение подобных результатов по всей стране. В то же время с мест поступали сообщения о запустении. Необходимо было выявить происшедшие перемещения населения.

Перепись, начатая в 1710 г.,³ была завершена, согласно указу, в 1711 г., но подвести итоги Сенат смог только в 1714 г., когда из всех губерний были присланы табели — сводные таблицы с приведенными в определенном порядке цифровыми данными (дело это оказалось трудоемким). Результаты переписи были неожиданными. Вместо прироста была обнаружена огромная убыль по всей стране. Об убыли свидетельствовали не только результаты переписи, но и доношения с мест. Так, стольник Иван Кожин, посланный в Архангелогородскую губ. по приговору Сената 6 мая 1713 г. для сбора конных даточных и полтинных денег, сообщал, что в губернии против книги 186 г. явилась «пустота великая, едва не в полы», что «много деревень, в которых дворов по 20 и по 3 и по 2 и по одному, все впусе».⁴ Однако правительство не поверило в действительную пустоту. «Понеже не все крестьяне на Дон или в Сибирь ушли, а мору, слава богу, не было... , то большая часть живут ушед от своих помещиков, за иными помещиками», — писал Петр.⁵ По его распоряжению приступили к проверке результатов переписи. Проверка оказалась еще более неудачной и не была завершена. Единственным практическим результатом переписи 1710 г. было то, что, убедившись в невозможности разрешить возрастающие финансовые трудности, используя старую подворную систему обложения, правительство заменяет ее новой, подушной, более выгодной, как выявили к тому времени различные финансовые «проекты».

Современники, обращавшиеся к экономическим проблемам

³ ПСЗ, т. IV, № 2253, с. 478.

⁴ Клочков М. В. Население России при Петре Великом. Т. I. Перепись дворов населения (1678—1721). СПб., 1911, с. 72.

⁵ ПСЗ, т. IV, № 2807, с. 104.

России начала XVIII в., не использовали результатов переписи, считая ее «неисправной». Так, И. К. Кирилов, автор первого обстоятельного труда по статистическому описанию России,⁶ использовавший материалы «из подлиннейших архивов» и хорошо осведомленный в делах государства, поскольку служил обер-секретарем Сената, имел в руках и переписные книги 1710 г., но количество дворов указывал по старой переписи 1678—1679 гг., а материалы 1710 г. использовал только для описания городов и указания числа церквей и монастырей.

Материалы переписи пребывали без употребления в архивах до конца XIX в., когда они были введены в научный оборот П. Н. Милюковым. Ввиду того что основной темой его работы явились хозяйственно-экономические реформы Петра I, переписи 1710 г. автор касается в связи с финансовыми затруднениями государства. По расчетам Милюкова, перепись показала гигантскую убыль населения ($\frac{1}{5}$),⁷ причинами которой, по его мнению, были война, рекрутские наборы, усиление налогового гнета и другие связанные с деятельностью и реформами Петра обстоятельства. Анализируя причины убыли, Милюков отмечал, что цифры убыли «значительно уменьшатся, если заметим, что переход в другие сословия и на другие земли совсем нельзя считать убылью; что побег в значительной степени также кончались простым выбором нового места, то есть колонизацией; что естественное вымирание восполняется естественным приростом».⁸ Но насколько уменьшится убыль — никаких количественных расчетов Милюков не приводит, хотя и определяет общую численность населения России в 5,5 млн. человек на 1710 г.⁹ Расчеты Милюкова вызвали недоверие у его оппонентов. В. О. Ключевский отмечал, что «тщательную статистическую обработку собранного материала автор не всегда соединял с критическим разбором документов, из которых этот материал извлекался», особенно в изложении результатов переписи 1710 г.¹⁰

Предметом специального исследования перепись 1710 г. являлась в работе М. Ключкова.¹¹ Подробно обрисовав картину всех обстоятельств подготовки и проведения переписи, отношения к ней правительства, Ключков уделил особое внимание причинам объявившейся «пустоты» и определил ее в 20%. Отметив огромную утайку населения, он сделал вывод о том, что перепись 1710 г. не может быть использована для исчисления размеров податного

⁶ Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. 441 с.

⁷ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905, с. 202.

⁸ Там же, с. 205.

⁹ Там же, с. 206.

¹⁰ Ключевский В. О. Отзыв о исследовании П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого». — Соч., М., 1959, т. 8, с. 181.

¹¹ Ключков М. В. Население России...

населения, и тем самым окончательно вывел перепись 1710 г. из научного оборота.

Материалы переписи более не подвергались специальным исследованиям. В литературе же прочно утвердились два противоречивых мнения: с одной стороны, единодушным было признание неточности итогов переписи из-за «утайки», с другой — общий вывод о запустении страны, сделанный П. Н. Милюковым, стал хрестоматийным примером влияния войн, моров, голода и тяжелых условий жизни на естественное движение населения.¹²

В настоящее время пересмотрено мнение, что именно петровские преобразования были причиной запустения страны в начале XVIII в. Этот процесс начинался под влиянием социально-экономических факторов в последней трети XVII в.,¹³ но не следует считать, что деяния Петра вовсе не оказали никакого влияния на демографическую ситуацию в стране. В течение короткого периода — первой четверти XVIII в. — действовал целый комплекс причин, который привел не к сокращению населения в стране по сравнению с 1678 г., но к сокращению темпов прироста и к географическим перемещениям населения по территории государства.¹⁴ На сокращение темпов прироста населения несомненно оказали влияние все виды правительственной мобилизации. На Севере, в районах государственных крестьян, мобилизации проводились как нигде интенсивно, особенно в начальный период Петровских реформ. К такому выводу приходит П. А. Колесников на основании актовой документации и свидетельства переписных книг первой четверти XVIII в. Количественные показатели мобилизаций автор определяет по данным пустых дворов, при этом оговаривает, что фактически мобилизация имела более широкие масштабы, поскольку в жилых дворах выбывшие указывались редко и основная масса мобилизованных не была зафиксирована переписями. Материалы переписных книг 1710 г. дают возможность определить, сколько населения потеряло жилые дворы. Нами составлена диаграмма «Половозрастное состояние населения» по переписным книгам Двинского у. 1710 г., которая показывает, что численность мужского населения имеет перевес по сравнению с женским в большинстве возрастных групп.

Возрастная группа 21—30 лет выделяется обратной зависимостью: здесь число женщин больше, следовательно, часть мужского населения выбыла, и причиной тому могли быть наборы в армию и на работу, поскольку именно этот возраст подлежал мобилизации. Число выбывших составляет 3,5% учтенного населения.

¹² Основы теории народонаселения. М., 1973, с. 139—143.

¹³ Колесников П. А. Миграция северного крестьянства в XVI—начале XVIII в. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР, с. 364.

¹⁴ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII—начале XVIII века (численность, сословно-классовый характер, размещение). М., 1972, с. 191.

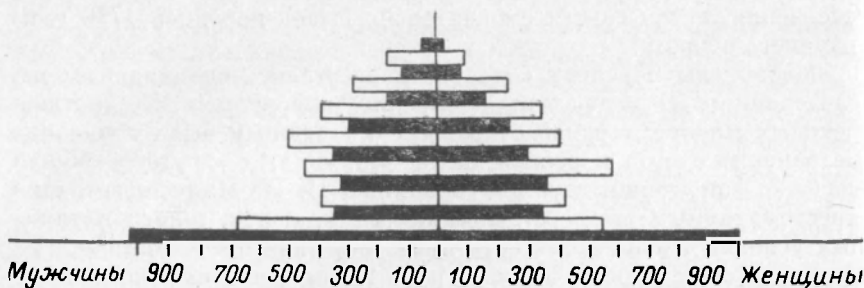

Диаграмма. Половозрастное состояние населения (Двинский у.). Группировка по 5 лет.

В общей сложности (с учетом выбывших из пустых дворов) на Севере было мобилизовано 5—6% населения. Цифра эта выше средней по стране.¹⁵

Правительственные мобилизации особенно интенсивно проводились в первое десятилетие XVIII в. Так, с 1705 по 1709 г. ежегодно с 20 дворов брали по одному рекруту, не считая чрезвычайных наборов от различных категорий, в том числе из дворовых и монастырских слуг. С 1707 г. в рекруты брали и холостых, и женатых (доля последних должна была возрасти и в связи с изменением возраста мобилизуемых: вначале брали 15—20-летних, затем 30—40-летних. В последующем число набираемых рекрутов было сокращено. В тот же период велись усиленные наборы на строительство. Только для строительства Петербурга с 1704 г. набиралось в три приема 40 тыс. человек из всех губерний, даже из Сибири. Возросло и налоговое бремя — вводились чрезвычайные наборы, изыскивали новые статьи дохода «прибыльщики». Деятельность правительства вызывала недовольство среди населения, приводила к открытым выступлениям.

Но наиболее распространенной формой протеста были побег. Правительство пыталось бороться с ними: за укрытие беглых устанавливались штрафы, грозили конфискацией имений. Только за первое десятилетие XVIII в. было издано 6 указов о беглых — все было тщетно. Издавая в 1714 г. указ о проверке переписи 1710 г., Петр I требовал учитывать всех переселенцев, «хотя б за день до сего указу пришли куда жить...»,¹⁶ но прироста дворов не обнаружилось.

Куда девались бежавшие? Правительство считало, что живут за другими помещиками, а те не показывают их в сказках. С мест же поступали сообщения, что крестьяне не только убегали, но и возвращались: «Ныне, государь, услышав о том, что по ми-

¹⁵ По подсчетам П. Н. Милюкова, в 1710—1719 гг. было мобилизовано 4—5% от всего мужского населения страны, т. е. приблизительно 2—2.5% всего населения (Милюков П. Н. Государственное хозяйство России..., с. 131—132).

¹⁶ ПСЗ, т. V, № 2964, с. 185.

Т а б л и ц а I

Направление миграции	Двинский у.		Чаронда	
	абс. число	%	абс. число	%
Правительственная мобилизация				
в солдаты	27	4.1	26	13.5
в работники	—	—	1	0.5
в работники на Двине	—	—	13	6.7
в Петербург	5	0.8	—	—
В Москву	2	0.3	—	—
В «верховые города»	60	9.2	—	—
В «сибирские города»	6	0.9	1	0.5
В Архангельск и Холмогоры	5	0.8	1	0.5
«Сбредли безвестно»	95	14.3	9	4.6
«Скитаются в мире»	342	52.1	67	34.8
Сошло в другие волости	88	13.4	4	2.5
Причины не указаны	26	3.9	70	36.4
Всего	656	100	192	100

лости твоей стало им (тяглым людям) быть от посыльных людей в подводах и в грабежах и в разорениях свободно, в одном Тамбовском уезде пришло из бегов на старые свои места близко 1000 дворов, а зимою, чаю, все соберутся», — писал ландрихтер Кикин.¹⁷ Бежавшие не всегда могли, а, возможно, и не всегда стремились найти себе новое пристанище. Обращает на себя внимание тот факт, что при регистрации пустых дворов в 1710 г. писцы очень часто помечали, что обитатели двора «сошли в мир», «сошли безвестно», «бродят меж двор». В Двинском у., по нашим подсчетам, жители из 66.4% (из всех запустевших дворов), а на Чаронде — из 39.4% дворов скитались на момент переписи (табл. 1). Из всех скитающихся со времени переписи 1678 г. к 1717 г. вернулись на прежнее место жительства обитатели 38 дворов Куростровской, Шастозерской, Зачачской волостей Двинского у.

В первое десятилетие петровской деятельности в связи с лавиной обрушившихся налогов, наборов, бедствий резко возросла миграция населения, особенностью которой было, во-первых, то, что она охватила значительное количество населения, в первую очередь крестьян, во-вторых, часть населения перемещалась на сравнительно небольших территориях — в рамках уезда, волости. Возможно, это был уход только на время переписи. Именно это и было не менее важной, а вероятно, и главной причиной столь «неисправных» итогов переписи. 1710 год был крайне неудачным для регистрации податного населения. Перепись показала не «мнимые», а действительные результаты петровской деятельности,

¹⁷ К дочков М. В. Население России..., с. 81.

выразившиеся в стремлении населения уклониться от нововведений. В плане непосредственной характеристики реакции населения на бурные события начала XVIII в. перепись 1710 г. является вполне достоверным источником. Вместе с тем обращение к первичным материалам переписи показывает не действительное, а мнимое сокращение населения, так как значительная часть скитающихся, но реально существующих, в переписи стала «мертвыми душами».

Одной из основных причин убыли регистрируемого населения в 1710 г. считают утайку за счет укрупнения дворов. Однако, как отмечали уже современники, размер такого рода «утайки» был различным на различных территориях помещичьего, духовного и государственного владения. Так, Иван Филиппов, рассуждая о пользе поголовщины, отмечал, что переписчики «описывают крестьянские дворы неравно», на дворцовых и патриарших землях они пишут крестьянский двор по 10 и менее человек, а в некоторых светских вотчинах по 20 и более человек.¹⁸ По полноте учтенных дворов степень достоверности переписных книг 1710 г. различна и требует более детального исследования.

Для районов Поморья списание нескольких дворов, если и практиковалось, то в незначительной степени. Средняя населенность двора, по нашим подсчетам, в Двинском у. составляла около 6 человек на двор (2.99 человек мужского пола) и по сравнению с XVI в. даже несколько сократилась,¹⁹ тогда как объединение дворов неизбежно должно было бы привести к росту численности, особенно мужского населения двора, поскольку черносошные крестьяне были заинтересованы в регистрации мужчин в рабочем возрасте, что имело значение при раскладке податей внутри общины.²⁰

Вопрос о полноте регистрации населения переписью 1710 г. в Поморье может быть решен при сопоставлении с материалами аналогичных переписей, особенно первой ревизии, признанной в настоящее время наиболее точной из всего комплекса переписей начала XVIII в. Целесообразно сравнить первичные материалы (сказки), подаваемые крестьянами, которые служили основой для дальнейшей работы писцов. Непосредственное сопоставление сказок 1710 и 1719 гг. невозможно, поскольку переписи имели разный объект описания: в 1710 г. это был двор, а в 1719 г. — ревизская душа, и сведения подавались только о душах мужского пола без разбивки на дворы. Поэтому для сравнения привлечем материалы ландратской переписи 1717 г.

¹⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. — Зап. ист.-филол. фак. Санкт-Петерб. ун-та, СПб., 1897, ч. 42, прил. IV, с. 64.

¹⁹ По расчетам А. И. Копанева, в первой четверти XVII в. населенность двора составляла 6.75 человек на двор (см.: Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978, с. 119).

²⁰ Водарский Я. Е. Переписи населения в XVII в. в России и других странах Европы. — В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 60.

Полная регистрация населения двора, указание возраста, а главное — указание полного имени владельца двора и всех членов позволили установить, какая из записей 1717 г. соответствует записи 1710 г., что являлось основной задачей при проведении сопоставления. В трех волостях: Куростровской, Шастозерской, Зачачской Двинского у. в 1710 г. было учтено 446 дворов (жилых и пустых), а в 1717 г. — 489,²¹ т. е. на 43 двора больше, что составляет 9.5% от общего числа 1710 г. В указанное число входят не только дворы, не учтенные писцами в 1710 г., но и те, которых до 1710 г. еще не существовало, так как они образовались после переписи, поэтому их в подсчет брать не следует. Число таких дворов невелико, всего 7. Не следует включать в подсчеты и те дворы, которые на момент переписи уже не существовали, и поэтому переписчики в 1710 г. их не учитывали. При проведении же лаидратской переписи, которая была назначена для проверки результатов переписи 1710 г., от писцов требовали переписать с особым вниманием пустые дворы, в их число включались и такие, которых уже по существу не было, остались только пустые места от дворов, часто не указано имя владельца, и все подобные записи сопровождаются пометкой «двор сгнил и развалился до переписи 1710 г.». Поскольку столь строгих наказов в 1710 г. не было, то, естественно, писцы не считали нужным указывать их в книгах. Число дворов с пометкой «сгнил и развалился до переписи 1710 г.» — 9. Если учитывать эти два обстоятельства, то процент неучтенных дворов снижается до 6.4. Если произвести подсчет недоучтенных в 1710 г. жилых дворов, учитывая поправки, то это составит 2% от числа учтенных. Интересную картину точности переписей 1710 и 1717 гг. дает сопоставление недоучтенных этими переписями дворов (табл. 2). Как в 1710, так и в 1717 г.

Т а б л и ц а 2

Волость	Дворы, зарегистрированные в 1710 г., не включенные в перепись 1717 г.			Дворы, зарегистрированные в 1717 г. не включенные в перепись 1710 г.			Итого
	жилых	пустых	всего	жилых	пустых	всего	
Куростровская	3	9	12	5	31	36	+24
Шастозерская	3	—	3	4	4	8	+5
Зачачская	4	3	7	8	13	21	+14
Всего	10	12	22	17	46	65	+43

писцы допускали пропуски при регистрации. В 1717 г. не было учтено 10 жилых и 12 пустых дворов, которые, несомненно, существовали, так как их зарегистрировали еще в 1710 г. В материалах же переписи 1717 г. встречаются пометки о дворах, суще-

²¹ ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 104, л. 7—50, 572—590, 669—686.

ствовавших в 1710 г., но не помеченных в 1717 г. Если мы обратимся к первичным материалам первой ревизии, то обнаружим, что они имеют тот же уровень точности. В 1717 г. в трех указанных волостях Двинского у. в сказках числятся 652 души мужского пола, а менее чем через два года, при проведении первой ревизии, — 681 душа мужского пола,²² что не соответствовало действительности.

Проведенное сопоставление позволяет сделать вывод, что первичные материалы (сказки) переписи 1710 г. по Архангелогородской губ. близки по степени полноты охвата регистрацией податного населения сказкам первой ревизии, которая в свою очередь нуждается в поправке на 25%.²³ Выводы, сделанные на основании сравнения, не являются окончательными и требуют дополнительной проверки по предложенной методике. Но и на данном этапе работы можно предположить, что перепись 1710 г. отразила процесс запустения Севера, который к 1719 г. выразился в убыли 13% населения.²⁴

Перепись 1710 г. была последней подворной переписью, и в проведении ее правительство опиралось на существующую практику переписного дела. Но некоторые изменения этой практики в 1710 г. были произведены. Впервые проведение переписи было поручено местным властям — губернаторам, комендантам, ландрихтерам. Это давало возможность более точно проводить перепись, так как местные власти были лучше осведомлены о положении дел в подведомственных им провинциях. Другой особенностью переписи была разработка дополняющих Наказ «Образцовых пунктов», осуществленная «Комиссией министров» в феврале 1710 г. на основе инструкции, данной в 1707 г. ландрихтеру Римскому-Корсакову при проведении переписи в Ингерманландской губ. «Пункты» определяли круг лиц, подлежащих переписи, объем собираемых сведений и порядок их обработки. Регистрации подлежали те же разряды населения, которые были охвачены переписью 1678—1679 гг. Кроме того, в Киевской, Азовской, Сибирской губ. учету подлежали городовые дворяне, дети боярские, однодворцы, пушкарки, затынщики, воротники и др., т. е. весь низший отряд служилых людей окраин; следовательно, категория подлежащего регистрации населения была расширена.

В «Пунктах» обращалось внимание на точность переписи: «переписать в правду, не обходя никого»,²⁵ «в той переписке не токмо какой ни есть один двор, но ни единой человек, какова он состояния духовного или светского чина, как мужеска так и женска полу, пропущен не был». ²⁶ Была определена и кара нерадивым переписчикам: «а ежели после сыщется какая их комендан-

²² Там же, оп. 2, д. 150, л. 65, 117, 138.

²³ Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963, с. 52—55, 124.

²⁴ Водарский Я. Е. Население России..., с. 163.

²⁵ Архив ЛОИИ СССР, ф. 10, оп. 3, д. 113 (ч. 2), л. 1а.

²⁶ ЦГАВМФ, ф. 176, д. 1, ед. 59, л. 5.

тов неправда, и за то им будет учинено жестокое наказание и сосланы будут на каторгу и на вечную работу». ²⁷ Особое внимание обращалось на освидетельствование пустоты и фиксации пришедших людей: «а где явятся пустые двory и о тех дворах допрашивать на посаде бурмистров, а в селах и в деревнях старост и соцких и выборных»; ²⁸ «да в тех же переписных книгах написать всех пришедших людей, где какие явятца». ²⁹ В «Пунктах» был определен порядок составления отчетов о переписи и его форма: «а переписывать таким подобием: вначале писать перечнем, где на посаде или в какой волости и боярщине дворов и людей было по переписным книгам 186 году, потом писать двory и людей, что явятца подлинником и, написав подлинник, под посадами и слободами и под волостями подписывать перечни порознь, також и по до всякою четвертью чинить перечни же»; ³⁰ «в нынешних переписных книгах подо всякой волостью и селом и под деревней в перечнях подписывать имянно, сколько человек мужеска и женска полу люди, от самых сущих младенцев до пятнадцати лет, от пятнадцати до двадцати пяти, от двадцати пяти до шестидесяти, от шестидесяти и до самых престарелых лет, и тако оных людей на четыре части расписать порознь и не обходя ни единого человека», ³¹ «а буде хто в том числе увечны, и тех написать». ³²

Программа переписи была доведена до сведения каждого переписчика, о чем свидетельствуют ссылки на Наказ и «Пункты», а также вольное изложение их содержания, предшествующее переписным книгам.

Отличительной чертой переписи 1710 г. было то, что впервые обращается внимание не только на количество дворов, но и на количество населения. Переписывались не только главы семейств, как это было в предшествующей практике, но и вся семья, включая женщин. Возрастной показатель сопровождал впервые не только детей, но и все население двора. Характер группировки по возрастам показывает, что правительство не менее серьезно, чем числом налогоплательщиков, интересовалось ресурсами рабочей силы в стране.

Программа переписи 1710 г. была одной из передовых программ своего времени. Для XVI—XVIII вв. в Западной Европе наиболее характерным был учет дворов — «дымов», «очагов», по которым рассчитывалось количество жителей. Государственная власть удовлетворялась, как правило, минимумом сведений, прибегая к сбору их в случае настоятельной необходимости. Исключением была Швеция, ³³ где была создана стройная система демо-

²⁷ ПСЗ, т. IV, № 2130, с. 360—369.

²⁸ ЦГАВМФ, ф. 176, д. 1, ед. 59, л. 5.

²⁹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 10, оп. 3, д. 7, л. 1.

³⁰ Там же, д. 113 (ч. 2), л. 1а.

³¹ Там же, д. 7, л. 1.

³² Там же.

³³ Воблый В. К., Пустоход П. И. Переписи населения. М.; Л., 1936, с. 134.

графической статистики, покоящаяся на церковном учете, несомненно, оказавшая влияние на учреждение в России в 1721 г. по указу Петра I статистики естественного движения населения. Нет сомнения в том, что Петр I не только был знаком со шведской системой, но и признавал несомненную пользу статистики для повседневных нужд государственного управления. Вполне возможно, что столь обширная программа переписи 1710 г. была создана с учетом шведской практики.

Обследование переписных книг Архангелогородской губ. показало, что материалы переписи сохранились в подлинниках. Они представляют собой рукописные книги, каждая из которых написана несколькими разными почерками, свидетельствующими о том, что перепись создавалась многими писцами. Имена писцов сохранились благодаря скрепам — дьяк Козьма Перфильев, Алексей Звонов, подьячий земского двора Левонтий Дьячков, Василий Иконописцев (в Двинском у.), стряпчий Александр Засецкий (в Чаронде), Михайло Иевлев, Алексей Полнехтов, Алексей Шемякин (на Мезени и в Мезенском у. и в Кевроле). Вся работа по сверке представленных данных и составление итоговых таблиц была произведена на местах, о чем свидетельствует текст скреп. Четко прослеживается внутренняя структура книг. Каждой из них предшествует краткое изложение указа о переписи и «Образцовых пунктов». Далее следует сама перепись, выполненная по волостям. Форма записи волостей одинакова и выглядит следующим образом: 1) дано название волости, запись каждой следующей волости начинается с нового листа, иногда отделяясь «порожними» страницами; 2) описание волости начиналось с погоста, указывалось количество церквей и «у тех церквей причетников», а также количество церковной земли; 3) далее переписывались дворы крестьянские, бобыльские и прочие с отнесением двора к той или иной категории; запись деревни от деревни, как правило, отделена интервалом, запись каждого двора начиналась с пометки «во дворе»; 4) жилые и пустые дворы писались попеременно, лишь в некоторых волостях пустые дворы писались после жилых; 5) для дворов, писавшихся «сверх» переписных книг 1678 г., отмечалось это обстоятельство; 6) во дворах перечислено население с указанием имен и возраста. В конце записи каждой волости приведен итог. В него включался общий итог дворов, отдельно указано число дворов церковных причетников, крестьянских, бобыльских, в некоторых книгах выделены вдовьи и дворы нищих («что по миру ходят»). Дано сравнение общего числа дворов по переписи 1710 г. числом дворов на 1678 г. Приведен итог распределения населения по возрастам («Люди на четыре части»): 1-я группа — до 15 лет; 2-я группа — от 15 до 25 лет; 3-я группа — от 25 до 60 лет; 4-я группа — от 60 лет и старше. В некоторых случаях писцы давали разбивку на группы по 10 или 5 лет. Завершается запись сведениями об инвалидах («глухих, слепых, увечных руками и ногами»). Общий итог по волостям имеет различную форму: 1) в табличной форме, при-

чем форма таблиц различна, поскольку писцы разрабатывали их самостоятельно; 2) в виде записи в строку.

Запись каждого двора также велась по определенной форме: сначала указывался хозяин двора, затем его жена, их дети по старшинству, их жены и дети, если таковые имелись, потом прочие обитатели двора с указанием родства по отношению к владельцу двора, с указанием возраста каждого из них.

Приведем в качестве примера одну из записей: «Елисей Авакумов Чуркин, сорока осьмн лет, у него жена Екатерина Борисова дочь сорока шести лет, два сына — Михайло двадцати четырех лет, Игнатей пяти лет да дочь Мария шести лет, у Михайла жена Домна Нифантьева дочь двадцати трех лет, у него ж дочь Федосья дву лет».³⁴ Переписчики часто дают краткие характеристики обитателям двора: указывают на родственные отношения, отмечают людей нетрудоспособных, указывая на их физические недостатки («скорбен», «безумен», «крив» и пр.), выделяют бездетные пары и лиц брачного возраста, еще не вступивших в брак («холост», «девка»).

Ответственность писцов к порученному делу показывает тот факт, что в просмотренных книгах встретилось всего несколько случаев пропуска указания возраста, причем на эти случаи обращают внимание и сами писцы и делают соответствующие пометки «и ему пономаре и матере и жене ево лет не написано».³⁵ Регистрировались даже новорожденные одной-двух недель от роду.

Переписные книги Архангелогородской губ. свидетельствуют о том, что программа переписи выполнялась по всем разработанным пунктам. Как и любая перепись, перепись 1710 г. не отражала и не могла отразить абсолютно идентично свой объект. Однако ее можно с полным основанием рассматривать как своеобразную случайную выборку, которая широко используется в современной демографии.

Несмотря на то что ни один из демографических признаков не был присущ переписи, ряд вопросов, связанных с демографической статистикой, может быть исследован при условии текстуального изучения материалов переписи. Таковы — географическое размещение населения, состав по общественным группам, по полу и по возрасту, по семейному состоянию, родственные отношения двора, состав и распределение рабочей силы, соотношение рабочего и нерабочего населения, естественное движение населения.

Наличие в переписи сведений о возрасте позволяет выяснить вопросы воспроизводства населения, возрастной смертности, продолжительности жизни, семейно-брачных отношений крестьян, материал для решения которых почти полностью отсутствует в переписях XVII в. и в материалах ревизий. Правда, указанный писцами возраст жителей двора не является абсолютно точным, так как переписные книги составлялись на основе сказок кре-

³⁴ Там же, д. 117, л. 11.

³⁵ Там же, д. 7, л. 34 об.

стьян, и сведения о возрасте часто значительно отклонялись от действительности в силу отсутствия представления о точном числе прожитых лет. Возраст показывался приблизительно, с округлением.

Обратимся к диаграмме «Половозрастное состояние населения».

Она показывает, что особой притягательной силой обладал «0» (столбики групп возрастов, оканчивающихся на «5», короче). Именно поэтому возрастная группировка, кратная 10, единственно представительная при использовании сведений переписи.

Подводя итоги, отметим, что программа переписи 1710 г. ставила своей задачей не только регистрацию податных единиц, но и сбор сведений относительно людских ресурсов страны. Требования программы переписи были доведены до сведения переписчиков и исполнялись с возможной для того времени точностью. Поэтому переписные книги 1710 г. могут служить ценным источником для исследования широкого круга вопросов исторической демографии.

В. С. АСТРАХАНСКИЙ

РАБОТА В. Н. ТАТИЩЕВА «ПРИМЕЧАНИЯ НА ГИБНЕРОВ КОММЕРЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОН» (1725)

Этот материал предположительно как татищевский, правда, в копии, был выявлен автором статьи весной 1981 г. в ЦГАДА в фонде Миллера.¹ Нельзя сказать, что он вообще не привлекал внимания исследователей, но только лишь как рукопись XVIII в. Доказательством тому является то, что рукопись, например, заказывал 16 января 1962 г. С. Л. Пештич, а 17 января он вернул ее в хранилище.² Следовательно, Пештич не узнал в ней работу Татищева. Подтверждением этому является отсутствие каких-либо ссылок на этот материал в трудах Пештича, в том числе и в его известной монографии «Русская историография XVIII века», в которой им дан обстоятельный анализ трудов Татищева.³ Рукопись заказывалась другими исследователями, но уже в конце 70-х годов, да и то лишь для просмотра и уж, конечно, не как татищевское сочинение. Здесь говорится об этом материале как о неопознанной работе Татищева еще и потому, что специалистам была известна другая подобная татищевская работа, комментирующая труд И. Гибнера «Словарь о нынешних государствах, о газетах и для бесед».⁴

¹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, портф. 149, ч. 2, д. 7, л. 1, 1—34 об.

² Там же, лист использования.

³ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965, ч. 2, с. 124—163.

⁴ Reales Staats, Zeitungs und Conversations Lexicon darinnen so wohl... einer ausführlichen Vorrede Herrn Iohann Hübners... Leipzig, 1717.